

В эвакуацию мы уехали из Полтавы. На город уже ложились артиллерийские снаряды. Разрывы были совсем близко. Поезд отправился; говорили, что последний.

Мой муж, Александр Лейн, театральный режиссер, ушел в действующую армию в первый день войны. Тщетно я ждала в Полтаве весточки от него. С каждым оставленным, потерянным городом становилось все яснее для моей глупой головы, что таких страшных войн в мире еще не было.

Из Полтавы в Курган мы ехали месяц. В памяти осталось немногое, и главное — моя мука. И только одна мысль: где Лесь, жив ли. Что с ним?..

Через полгода, 8 марта, как "подарок" в Женский день, принес почталыон в ответ на мои бесчисленные запросы извещение. "Пропал без вести". Но пропал без вести, думала я, это ведь не убит, не умер, есть еще надежда на спасение, на возвращение... Надежда, поддерживающая меня до конца войны, надежда, которой не суждено было сбыться.

Только через годы я поняла, что слова "пропал без вести" и "погиб" — одно и то же...

В Кургане я год проработала в госпитале.

Весной познакомилась с женой эстрадного сатирика Шуры Рыкунина. Она узнала, что я артистка Киевской эстрады и филармонии, пришла посмотреть на меня. Мы подружились. А потом в Курган приехали артисты Свердловской оперы. Также познакомилась. Но только через полтора года я решилась наконец поехать в Свердловск, в филармонию.

В то время концертов в филармонии было мало. Несколько раз выступала на Уралмаше. Всем было не до концертов тогда. Читала я Симонова, "Беглец" Лермонтова, пушкинскую "Метель". Иногда казалось, что слушатели хотят, чтобы я поскорее кончила. Неприятное ощущение!.. Во второй половине февраля прошел слух, что формируется бригада на фронт. Я попросила, чтобы меня включили.

О фронте говорили, говорили, а конкретно ничего известно не было. Прошел почти месяц. Наконец объявили день отъезда. Маршрут — Ленинградский фронт. У меня сохранилась программа № 1 фронтовой концертной бригады свердловских государственных театров и филармонии, подписанная: худож. руково-

дитель (бригадир) И.Олигин. Братья Шнейдеры — баянисты; Петрова и Божко — дуэты из оперетт; Габаева, Жданова и Подбельская — балет: русский, татарский, белорусский танец... Я читаю "Метель" и веду программу.

Первым пунктом, где мы должны давать концерт, была Нарва. День был пасмурный. Высадились. Первое, что увидели: площадь с небольшой рожицей и виселица, где висят два трупа. Дул сильный ветер. Трупы раскачивались, то поворачиваясь к нам лицами, то мы видели затылки. Жуткое зрелище. Прижавшись друг к другу, мы ждали

ровными рядами, иногда изредка. Да, это печки. Сколько таких печек мы видели по дороге. И обязательно фанерка и название деревни. Но меня больше поразила другая картина. Это я видела только под Ленинградом. Торчат из снега столбики, чистенькие, беленькие, разного роста, как правило, до пояса и ниже: без коры, без веточек, без хотя бы сучочков. Это лес, если деревьев больше, роща, если поменьше. Снаряды и пули так обтесали стволы, что и не догадаешься, какое дерево было.

Вот написала это, а представить себе такой огненный

подобрался разный. Иногда слышала: "А там не опасно? Нас обещали беречь". По-настоящему страшно мне было только один раз. Шел последний месяц поездки. Грело солнышко, ночью было холодно. Мы на пологом берегу. Берег порос кустарником, за кустарником лесок. Другой берег — низина, зеленеющий луг. Вдалеке домишки. Там немцы. Совсем близко, никакого бинокля не надо. Ходят группами. Кто-то стирает белье в реке. Крестьянка разговаривает с офицером. Два немца стоят пригнувшись, третий прыгает через них. Мирная картинка. За нашими кус-



га. Это был самородок: под ростком пас скот где-то в деревне, читать не умел. А когда мы познакомились, был уже заместителем директора Одесской кинофабрики, человеком с высшим образованием. Начал войну солдатом, кончил полковником. Приехали мы в часть вечером.

Собирать бойцов на концерт было поздновато. Решили выступать утром. Два офицера позвали на ужин. Случайно из разговора услышала знакомую фамилию: Копица. Однофамилец? На всякий случай спросила: "Копица, а как его имя-отчество?" — "Давид Омелянович". Давид! С ним и Сашей Корнейчуком прошла вся наша одесская жизнь. Кричу: "Скорее, скорее, скажите ему, что приехала Нонна Приходько".

Мы сидели в домике-караулке. Смотрю на дорогу. Жду. И вдруг вижу: кто-то бежит. И вот я уже в его объятиях, мы оба взволнованы до предела. Две женщины из бригады всплакнули. И у меня на глазах слезы. Сдерживаюсь, чтобы не зареветь от радости и от горя: Лесьа ведь нет.

Возвращаясь с фронта в Свердловск, в Москве я встретила Климентия Бенца из Львовской филармонии. Он комплектовал симфонический оркестр, рассчитывал после войны вернуться во Львов. Я тоже мечтала о возвращении на Украину. И — попала в Киев, родной и любимый, 9 Мая сорок пятого года, в этот горький и радостный День Победы. По узенькой тропинке для пешеходов, проложенной через горы железных конструкций, камней, бетона, щебня, пробралась по Прорезной в филармонию. Никто меня там не встретил: праздник. Кроме старенького администратора Боярского. Он проводил меня до гостиницы. На площади у собора святой Софии мы с ним потанцевали среди ликующей и танцующей толпы. Погоревали, вспомнив Лесьа. Я заплакала.

Война кончилась. Можно было плакать.

Нонна Приходько

Культура. — 1995. — 13 мая. — С. 5

ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ. МОЖНО БЫЛО ПЛАКАТЬ

бригадира, ушедшего разыскивать начальство. Продрогли. Оказалось, что концерт в Нарве давать негде и некому. Нас отправили в Ленинград. Нужно было подойти к поезду, формирующемуся на Ленинград, пересечь пути. Мы остановились, пропуская товарный. Несколько открытых платформ. Я глянула... Сложные, как бревна, на платформе лежали обгоревшие трупы. В несколько ярусов. Бросилось в глаза, что босые пятки у них светлее, менее обгорели. Я закрыла глаза руками. Состав прошел. Никто не сказал ни слова. Никто ничего не спросил. Нечего и некого было спрашивать.

В Ленинград мы приехали второго марта. По дороге в ЛДКА, в первые полчаса жизни в Ленинграде, меня оштрафовал милиционер: я сошла не с той площадки трамвая! Ленинград был в снегу. Мостовые и тротуары не чищены. А порядок уже соблюдался.

В Ленинграде мы были не слишком долго. Три дня нас продержали, согласовывая маршрут, созваниваясь с воинскими частями.

На третий день мы уехали на концерт: в сторону Пулковской обсерватории. И только покинули город, никакой слякоти, бесконечное шоссе вело через чистое заснеженное поле. На дорогах изредка часовые, в большинстве женщины-военные. Проверка документов, и снова катим дальше. Щит, на щите надпись: такая-то деревня. А никакой деревни нет. То же гладкое снежное поле. Только печки стоят запорошенные. Иногда

шквал, который снес бы эти деревья, не могу. Сколько снарядов нужно было выпустить, чтобы обтесать эти, возможно, толстые стволы.

Мы путешествовали недели три с минимальным количеством концертов. То воинской части не найдем, то уже снялась, ушла вперед. То к бою готовятся: "Дуйте отсюда скорее". В общей сложности дали шесть-семь концертов. Путевки и благодарности писались охотно и по инициативе военных. На концерте хлопали исправно, самым большим успехом пользовались баянисты и танцоры. За ними шли певец и певица. Я воспринималась как неизбежное зло. Как-то раз приехали удачно, нас ждали. Заканчиваем уже концерт. Вдруг на взмыленной лошади приезжает офицер из другой части. Услышал, говорит, что приехали артистки. Забыл, какие они, женщины. Пятнадцать километров отмахал в один конец. Да еще дорога в одном месте простреливается.

Кончился наш месяц. После концерта нам даже банкет в землянке устроили. С шоколадом для женщин... И — в обратный путь. Вот этого обратного пути я совершенно не помню, словно его не было.

Сборы на мой второй фронт были недолгими. Первые месяцы сорок пятого года. Четвертый Украинский фронт. Армия перла вперед без отдыха, без передышки. Бой за боем, и снова вперед. Хорошо было, если бойцы поспали пару часов. Как правило, мы не заставляли свою аудиторию в том месте, куда нас направляли. Народ в бригаде

тами сколочен небольшой помост, наша эстрада. Вокруг бойцы. Солнышко уже заходит, и мы начинаем концерт. Отыграл баянист, поет певица. А с немецкого берега начинается артиллерийская стрельба. Ко мне подбегает офицер. "Командир приказал прекратить выступление. Немцы услышали пение, бьют по эстраде. Пока перелет, но они нацупают. Быстро сворачивайтесь в безопасное место". Через минуту бойцов уже нет, а мы бежим за офицером в густой лес.

В одной из частей мы встретили легендарного майора. Фамилии не помню. Он воевал с первого дня. Много раз чудом оставался живым. Да что живым. Даже без царпин. Однажды прямое попадание снаряда в землянку. Все погибли. А его бревном прикрыло, земля присыпало, вылез целехонький. Ехал на подводе рядом с кучером. Все снаряды на передовую, что ли? Взрыв страшной силы. Ни лошади, ни кучера. А его отбросило на двадцать метров, ни контузии, ни ранений. Встал и пошел.

Офицеры рассказывали нам про него эти байки, а он рядом сидит, смеется. Среднего роста, крепко сбитый, пригожий. Спрашиваем: правда? Да, говорит, все правда: я уже сам не верю, мол, что меня убить можно.

Довоенный ли этот легендарный майор до конца войны?

Тесен мир. Миллионы воевали. И надо же, я встретила на Четвертом Украинском хорошего нашего с Лесем дру-